

«СВОИ СЕРДЦА ОТДАВШИЕ...»

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИСАКА МАНУШЯНА

Две даты почти совпали — 26 августа исполнилось 35 лет со дня освобождения Парижа от гитлеровских оккупантов, 1 сентября — 70 лет со дня рождения Мисака Манушяна.

За шесть месяцев до освобождения Парижа Манушян был расстрелян. Доживи тогда эти шесть месяцев, он вместе с другими, оставшимися в живых борцами освобождения, праздновал бы победу и мог бы дожить до своего семидесятилетия.

«Никто ведь не заставлял их пойти на смертельно опасную борьбу, — горячо объяснял мне Луи Арагон. — Гитлеровцы могли им подарить жизнь, если бы даже они не только отреклись от своих убеждений, а просто раскаялись, высказали бы сожаление по поводу своих «ошибочных действий». Гитлеровцы именно потому и затеяли «публичный суд» над двадцатью тремя борцами группы Манушяна, чтобы судом оболгать Сопротивление, расколоть единство». Выражая готовность помочь созданию фильма о группе Манушяна, Луи Арагон просто и метко сформулировал свое отношение к героям группы Манушяна: «Это был настоящий пример подлинного интернационального единства антифашистов из разных стран».

Из группы Манушяна (более восьмидесяти членов), в которой было много французов и даже немцев, для «гласного суда» гитлеровцы выбрали только двадцать три, в большинстве иностранцев. Они задались целью оторвать группу Манушяна от Франции, от французского Сопротивления и представить бойцов перед общественностью как «иностранцев смутьянов, бандитов без рода и племени». Но на деле суд обернулся против самих фашистов.

На судебном процессе, вопреки ожиданиям фашистов, бойцы группы Манушяна не только не оправдали расчеты судей, а наоборот, превратив сканью подсудимых в трибуну, они обвиняли фашизм за бесчисленные злодеяния, причиненные Франции и родине каждого из них. К моменту суда эти люди были на гребне истории и их вела сама история.

Это были люди, уничтожившие на центральных улицах Парижа коменданта генерала фон Шаумбурга, руководителя депортации, грабившего Францию, штандартенфюрера доктора Риттера, многочисленных офицеров и солдат. Это были люди, пустившие под откос шпелоны с боеприпасами и жилой силой фашистов, взрывавшие электростанции заводов, пеставлявшие боеприпасы в германскую, вселившие, таким образом, страх в души оккупантов, ранее считавших Париж городом отдыха в прогулок. Представ перед французским народом в дни суда, они вызвали восхищение, благодарность миллионов французов, воздавших и поныне воздающих должное бессмертному подвигу.

О группе Манушяна во Франции издавались книги, о них писали и пишут газеты, журналы, статьи, созданы песни; в память о группе Манушяна написано множество стихотворений, в том числе величальные стихи Луи Арагона Поля Элюара. На кладбище Монпарнас погребены герои группы Манушяна, в день их

расстрела — 22 февраля — каждый год приходят сотни парижан, чтобы почтить их память.

Большую заинтересованность в создании фильма о группе Манушяна проявил Жак Дюкло.

...Мы приехали к зданию ЦК Компартии Франции, как было условлено, в два часа дня. Приехали вместе с нашими коллегами — корреспондентом Гостелерадио СССР Львом Королевым и его оператором Анатолием Ивановым. Они здесь были своими людьми. Поднявшись на этаж, где находился кабинет Жака Дюкло, мы узнали, что хозяина там нет.

— Он на обеде с иностранцами, — сообщила нам секретарша Дюкло. — Скоро будет. Просиди подождать.

Она пропустила нас в кабинет. ...Когда хозяин пришел, мы уже установили аппаратуру и были готовы к съемке. Знакомый нам по множеству фотографий и телепередач, Жак Дюкло — невысокого роста, уже пожилой, но подвижный — приветливо поздоровался с нами, извинился, что опоздал. Он сел за свой стол, посмотрел на Королева, на меня, на операторов, державших уже в руках кинокамеры, раскрыл приготовленную для нашей съемки книгу стихов Арагона и стал ждать нашей команды.

...Наблюдая за Дюкло, я понял, что киноинтервью — это часть его деятельности. Великолепный оратор, энергичный деятель Коммунистической партии, он знал уже все тонкости работы перед кинокамерой с микрофоном. Это были не просто хорошие слова о группе Манушяна, о его личности. Дюкло говорил о нем, как о близком своем. Он знал его лично и испытывал к нему особое чувство.

...Когда мы вышли из кабинета, секретарша Дюкло предложила пластинку с песней Лео Фере «Красная афиша» на слова Луи Арагона в исполнении Моника Морелли. Песню, посвященную памяти группы Манушяна, которую мы так или иначе должны были достать в Париже, приняли с благодарностью...

Группу Манушяна, личность Манушяна чтут не только коммунисты.

...В тот день нам помогали в организации съемок художник Арсен Черкян и Арутюн Казарян, бывшие участники Сопротивления. Мы намеревались произвести съемки и в тюрьме Френ, где томились бойцы группы Манушяна в дни следствия, в дни суда. Оттуда их повезли в последний путь — на расстрел. Важнейший съемочный объект, связанный с драматическими событиями в жизни манушяновцев, трагический объект их жизни. Я молчал, прикидывая в мыслях все то, что было связано с тюрьмой. думал, как снимать, как построить эпизод. Но вскоре заметил, что молчали все. Арсен был не в духе, Арутюн — насторожен. Он знал, что для съемок тюрьмы требуется особое разрешение и раздобыть его нелегко. Вот и думал, как это сделать.

Не доезжая до тюрьмы, он высадил нас у маленького бара, где мы должны были ждать его, пока он попытается встретиться с администрацией и выхлопотать нам разрешение.

В тихом, уютном маленьком

баре, где, кроме нас, было еще два-три человека, царил тишина.

Арутюн вернулся ни с чем. — Разрешение должно дать — объяснил он, — министерство внутренних дел. Поедем туда. Хоть и не очень уверен в успехе. Не люблю я это учреждение.

— В таком случае поедем снимать другие объекты, — предложила я, чтобы не тратить семейное время.

Предложение Арсен принял с готовностью. Он даже как-то оживился. Мы в этот день произвели съемки ряда объектов, которые не смогли бы снять без помощи этих двух, ставших нам мильями друзьями людей. Они прекрасно знали географию действий группы Манушяна, возили нас по объектам, и мы снимали...

Работа шла успешно еще и потому, что помощь наших гидов была согрета их душевной расположенностью к нашему делу. И мы с жадностью кинопроизводственника эксплуатировали эту их расположенность.

После съемок, когда наступили сумерки, Арутюн привез нас к себе домой.

Жил он в современном многоэтажном доме, фасадом выходящим к Булонскому лесу.

— Булонский и Венсенский леса называют легкими Парижа. Так что мы предпочли быть ближе к зелени.

Арутюн повел нас в одну из комнат. Оставив нас на несколько минут, он вошел к нам и просто сказал:

— С этими господами из министерства внутренних дел иметь дело — не так-то легко. Пришлось обратиться к другому министру — министру информации и культуры Лео Амо. Он участник Сопротивления. Обещал завтра же устроить наш допуск в тюрьму... С утра займемся этим делом.

Он посмотрел на мое еще неуспокоившееся лицо и спокойно повторил: обещал, что сделает...

По тому, как уверенно говорил Арутюн, чувствовалось, что он и не сомневается, что Лео Амо, которому может быть и не так легко осуществить просьбу Арутюна, сделает все.

— А Лео Амо знал Манушяна? — спросил я.

— Все люди нашего поколения, те, кто любят Францию, знают Манушяна.

— Если он знал, то интересно будет снимать его для фильма. Ведь он расскажет о Манушяне и его группе.

— О, нет, вряд ли он это сделает. Знаешь ли, он — министр. О Сопротивлении в целом он может говорить сколько угодно. Не раз я слушал его выступления и читал его статьи. А вот о коммунистах... Лучше не просить.

Что ж, пусть так. Важнее, чтобы он помог нам в нашем деле.

На следующий день ворота тюрьмы Френ наконец открылись перед нами.

Лазерт ВАГАРШЯН, кинорежиссер.

На снимках: Манушян во дворе тюрьмы Френ в дни суда; бойцы группы Манушяна в дни суда во дворе тюрьмы Френ (пятый справа Манушян); каждый год парижане на кладбище Иври чтут память группы Манушяна.